

2011/2 (4)

УДК 008:001.8

Шулепова Э.А.

Содержание

Теоретическая культурология

Межеев В.М.

Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 3)

Глостанова М.В.

Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур

Историческая культурология

Шулепова Э.А.

Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция

Флиер А.Я.

Историческая культурология как область знания

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 2)

Прикладная культурология

Астафьева О.Н.

Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8)

Соколов А.В.

Три лика информационного общества

**Культурная среда исторического города:
методология изучения и трансляция**

Аннотация. Рассмотрены работы Лаборатории историко-культурной среды российских городов Российского института культурологии, в которых на материале древнерусских городов изучается их историко-культурная среда и культура повседневности как сложное социокультурное явление. Реалии жизнедеятельности горожан были определены с учетом перехода одной модальности культуры в другую: духовного потенциала в предметный мир, а при овладении этим миром – в сферу образов и идеалов. Так практически раскрывается картина культурных предпочтений конкретных страт на протяжении периода, охватывающего конец XVIII и весь XIX в.

Ключевые слова: исторический город, историко-культурная среда, культура повседневности, русский суперэтнос, культурное пространство, историческая культурология, креативная история

Российский институт культурологии (РИК) в лице его Лаборатории историко-культурной среды российских городов (далее – Лаборатория) в первое десятилетие XXI в. подготовил ряд монографий, посвященных месту, роли человека и общества в среде его обитания. В этих публикациях особо отмечается вклад исторических городов и их жителей в формировании городского культурного пространства, изучении различных его сфер, влияющих на своеобразие, самобытность и особенность динамики российских городов в рамках урбагенеза. Рождение новой идеологии изучения российских регионов, стремление рассматривать отечественную культуру как органичную и самодостаточную относительно истоков и условий ее существования вновь, как и в начале XX в., поставили перед учеными задачу осмысления культуры города как сложного социокультурного явления [1].

В работах Лаборатории рассмотрены практические вопросы формирования архитектурной среды исторического города, система городского управления, образовательная среда, музейное строительство, роль дворянства, купечества и православной церкви

Гуманитарные исследования

Аванесова Г.А.

Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарной мысли Запада и России (Часть 1)

Ильшев П.В.

Особенности изобразительного моделирования кинематографического пространства в фильмах Акиры Куросавы

Штейнер Е.С.

«Гений дзюдо» – Куросава начинается

Малая культурологическая энциклопедия

Власенко В.В.

Философско-педагогические идеи М.С. Кагана

Шестаков В.П.

Изобразительное искусство

Юбилейные даты

К 80-летию Елены Ефимовны Кузьминой

Плоских В.М.

В поисках древних путей ариев

Поляков Т.П.

Белый пароход

К 65-летию Кирилла Эмильевича Разлогова

Хренов Н.А.

Кирилл Разлогов – человек глобальной культуры

Рецензии

Кузнецова Т.Ф.

Культурологический поиск: от фундаментального к прикладному: рецензия на книгу: «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (М.: Смысл, 2010. 640 с.)

в формировании древних русских городов. В этих исследованиях сотрудников Лаборатории урбогенез представлен, главным образом, через культурно-созидающие функции древних исторических городов России. Кроме того, за «бортом» истории авторы коллективных монографий не оставили повседневную культурную жизнь горожан, которая особенно сегодня, а иногда и ранее, находила определенное отражение в экспозициях отечественных музеев. В подготовленных Лабораторией монографиях переплетены два начала: место и роль городского управления и частные инициативы горожан, их личные стремления совершенствовать среду своего обитания. На конкретном материале авторы раскрыли и оценили запросы и проблемы городского жителя Воронежского края и Центральной России.

В своей научной работе исследователи разделяли методологическую установку М.С.Кагана о том, что городское культурное пространство включает в себя процессуально-деятельное, духовно-человеческое и предметное измерения [2]. При этом исследователи РИК всегда определяли реалии жизнедеятельности горожан, конкретного «месторазвития» с учетом перехода одной модальности культуры в другую: духовного потенциала в предметный мир, а при «овладении» этим миром, по их убеждению, происходит переход в сферу образов и идеалов. Это наглядно показал, в частности, анализ особой соборной культуры православного монастыря в Сергиевом Посаде.

Микромир этого духовного центра России проявился в преемственности исторических традиций. В частности, в церковно-архитектурных формах как наглядной модели мироустройства прошлых лет, в иконописи как умозрении в красках, в церковной литературе как образце русской ментальности. При этом культура городского пространства древнего исторического города была раскрыта как пространство культуротворческой деятельности человека, в рамках которой происходит создание, хранение и трансляция культурных ценностей.

Введение в вышеназванные работы термина «историко-культурная среда» (практически родственная понятию «социокультурная среда») обусловлено было осознанием авторами невозможности существования общества вне культуры и его соответствующих учреждений. И наоборот, невозможности формирования и развития культуры вне общества и связи с продуктами человеческой деятельности, которые влияют на информационный обмен, оставляют материально-вещественный след в любой среде обитания человека. Собственно это и повлияло в определенной мере на собирание, хранение в личных и государственных коллекциях интеллектуальных и повседневных продуктов человеческой деятельности. Другими словами, это направление исследования исторических городов, да и не только исторических, может быть представлено как сложный социокультурный феномен, как культурный концепт, во многом определяющий разнообразную специфику городского сообщества на разных этапах его развития. Подобный подход позволяет рассматривать организацию

различных культурных форм, реализовавшихся на практике в определенном культурном поле.

История города, соединяющая прошлое с настоящим, традицию с современностью, прочитывается на основе исследований бытия человека (культуры повседневности) и раскрывается, стирая грань между воображаемым и реальным, заставляя современника в определенной мере самостоятельно познавать прошлое.

Специфика нашей страны всегда была связана с тем, что освоение значительных пространств происходило параллельно с христианизацией русских земель и ведущей ролью городов в этом процессе. В пространстве активного православия в России был сформирован и активно развивался особый историко-культурный феномен – русский суперэтнос. Города страны становились центрами социокультурной трансляции русского исторического опыта, где высокая элитарная культура (церковная) соседствовала с обыденной этнографической культурой крестьян и городских низов, совмещавших языческие традиции с православно-христианским укладом жизни. По выражению И.А.Ильина, в этой среде «создавались лики Божии: молитвы, иконы, храмы, язык и слово, национальный строй и уклад души, выношенные в бытии и быту народа» [3].

В подобном православном русском контексте история городов, к примеру, Центральной России с их воплощением сакральных сил и взаимосвязи высшего и земного выступает как соединение официально-церковного и народного представления о русской земле. Именно поэтому современные исследователи говорят и пишут о душе русского города, прежде всего – исторического, о его загадках, общерусских традициях аграрного общества, городской мифологеме «Града Небесного», об историческом опыте развития древнерусских населенных мест с их христианским основанием и с учетом общественно-территориальной консолидации населения. Поэтому древнерусские города могут быть представлены как определенная эволюционная модель, объединяющая конкретное социокультурное пространство с его этнической и культурной ассимиляцией.

Ныне, в период подготовки Закона «Об основах государственной национальной политики в Российской Федерации», где предполагаются трактовки понятий «права народов», «межэтнические отношения и конфликты», «самоопределение народов» и других, как нам представляется, федерация будет обосновываться исключительно по территориальному принципу. Но такой принцип должен учитывать и этнические особенности территории с ее историей, традициями и менталитетом и другие важные факторы. При этом, с научной точки зрения, город необходимо рассматривать как культурную константу, существующую исторически объективно, как точку социального и этнического пространства, представленную в менталитете людей в виде идей, норм, образов, понятий, правил жизни и т.п. Другими словами, город должен иметь свою биографию, свой путь

становления, предусматривающий различные варианты развития. И трудно согласиться с утверждениями некоторых современных исследователей, к примеру А.С.Ахиезера, что города в России не могли стать очагами развития прогрессивных форм жизни [4].

В Центральной России, к примеру, процесс складывания городской культурной среды, взаимодействие новаций и традиций весьма длителен. Он ускорялся или замедлялся в зависимости от многих факторов – от административного статуса до близости столичного центра. В поисках ответа на жизненные вопросы современности можно и нужно вглядываться не только в обозримое настоящее, но и в далекое прошлое. Там жизнь в городе, его идеалы, основы и правила жизнедеятельности протекали в соответствии с законодательными нормами страны, оптимизирующими культурные формы на пересечении традиций и новаций, что и ныне представлет интерес для современной урбанистической политики.

Постперестроечное социально-политическое развитие Отечества заставляет ученых-гуманитариев задуматься о научных подходах, ракурсах восприятия, оценочных мерках и тех пределах и границах проблемы «русский народ», который на протяжении веков удерживал и продолжает удерживать вместе с другими народами России этнический, социокультурный и государственно-политический баланс нашей страны. В условиях универсализации и глобализации данная проблема вызывает значительный научный интерес, поскольку изучение, в частности, современного городского социума не может не учитывать и не опираться на исторический опыт формирования этнического компонента современной городской среды, включая и древнерусские города нашей страны.

Основная проблема современного исторического познания, как известно, связана с самим объектом исследования. Это и те историко-культурные объекты, которые входят в структуру современного культурного наследия, сохраняются и транслируются в составе определенных институтов и учреждений в их программах, и те, что занимают свое место в городском пространстве в качестве мемориальных объектов, различных памятников и памятных мест. Это, по сути, сеть интеллектуальных продуктов, проявляющихся в качестве городского информационного ресурса.

В результате формируется такая историко-культурная среда, которая может создать человеку ощущение устойчивости и защищенности. А сама подобная среда выполняет эстетическую и просветительскую функции, где очень важно предпочтение отдавать подлинникам. При этом на практике, прежде всего, в музейной среде, специалисты, преимущественно работающие с подлинниками, способствуют формированию ценностных установок личности. Нередко это заставляет посетителя взглянуть на самого себя. Он либо узнает свои корни, либо осознает свое отличие и задается вопросом (как это ныне необходимо!) о своем собственном отношении к тем или иным событиям.

Неоспоримо, что типы культур, овеществленных в памятниках, практически не меняются. Их сегодняшнее возрождение в нашей

памяти, в том числе и через мемориализацию, их профессиональное осмысление позволяют реинтерпретировать многие забытые и искаженные явления отечественной истории и культуры. В качестве примера можно привести следующий: на здании библиотеки Ростовского государственного университета (с 2006 – Южный федеральный университет), которая располагается в бывшем особняке купца Н.Е.Парамонова, можно увидеть ныне две мемориальные доски. Одна сообщает о том, что в здании в 1918 г. размещался Ростово-Нахичеванский революционный комитет, а другая – что здесь через полгода работал штаб Добровольческой армии.

Подобная трансляция новых страниц истории культуры, как правило, определяется конкретными обстоятельствами, связанными с крупными социальными изменениями в обществе и ставит перед наследниками сложные задачи выбора, которые могут быть связаны с христианскими, марксистскими, позитивистскими, экзистенциалистскими и другими взглядами. Возможно, в силу этого в обществе и существует ряд различных взглядов на историю того или иного объекта культуры и способы его трансляции. Именно поэтому культурные объекты человеческой деятельности могут быть включены то в негативное восприятие, то в позитивную традицию.

На судьбоносных исторических переломах историко-культурные события прошлого могут стать началом социокультурного процесса, базирующегося на трансляции культурного наследия. Здесь соотношение традиционного и рационального подходов поставленных задач весьма подвижно и определяется конкретно-историческими причинами. В этом, как представляется, и заключается трансформирующееся отношение нашего общества к культуре прошлого, а также желание разных его слоев понять и принять на вооружение те или иные, только им близкие культурные объекты.

И дальнейшее развитие культуры в России, сохранение и использование культурного наследия будут зависеть от культуры самих наследников, от их желания и знаний, полученных, прежде всего, в сфере образования и просвещения. Изучение роли наследия в жизни подрастающего поколения и реальных путей трансляции культурного опыта становится ведущей современной задачей в контексте социализации личности. Для осуществления этих тенденций в культурном пространстве России все более активная роль стала отводиться отечественному музею, социокультурная значимость которого растет. Музей, нередко родившийся как продукт секуляризации, сегодня поворачивается к страницам повседневного образа жизни, осмысливая его в конкретных моделях. Диалог между культурами в российском пространстве на разных уровнях, многообразные связи и переплетение наций и народностей России стали рассматриваться музеем как страницы истории конкретных территорий.

В этой связи в музейной практике появились следующие инновации

в деле сохранения и трансляции региональных культурных историй:

– предлагаются новые способы ориентации в культурном прошлом конкретной территории и ее городов, в том числе базирование на индивидуальной памяти, ибо объективное все активнее становится продуктом субъективности;

– поскольку мобильность людей оставляет следы в различных местах, музеи и памятники адаптируют их в местную культуру, не пренебрегая индивидуальным контекстом, поэтому музей становится местом, где транслируются «странствующие культуры» как следы истории в памяти поколений;

– в своей практической работе музей ныне выступает как составная часть историко-культурной среды, влияющая на степень и характер трансляции опыта поколений. Музей воспринимается как храм, который живет благодаря верующим, ибо он не только демонстрирует традиции, культурное наследие, но и олицетворяет их, влияя на формирование памяти поколений.

Сохраненные, изученные, отреставрированные историко-культурные объекты, как правило, подбираются музеем в соответствии с его концепцией развития для презентации обществу в новом рукотворном контексте. В итоге в специфически выстроенной среде из исходных данных образуется оригинальный текст и образы для ознакомления и диалога между посетителями музея и культурными ценностями. Кроме экспозиционного пространства значительную роль здесь играют охранные и визуальные зоны, если таковые созданы, а главное, большое значение имеет моделирование архитектурно-пространственной среды.

Метод моделирования музейной среды бытования историко-культурных объектов, очень часто опирающийся на грамотную музеефикацию памятников архитектуры, способен организовать полноценный диалог с подлинником, обеспечив ему активную, а не иллюзорную жизнь в конкретной историко-культурной среде. То есть уникальные здания-памятники, благодаря основным требованиям проектной культуры, в условиях музейного использования, в совокупности с коллекциями музея, способны определить образ и место музея по отношению к окружающей среде, населенному пункту, другим учреждениям культуры конкретного «месторазвития».

Существование и развитие определенного рода памяти (простейшей – личностной и более сложной – институциональной) через музейную систему, по существу, могут и должны отражать изменения как жизни самого общества, так и его институтов. При этом метод моделирования, связывающий общество с его институтами культуры, обслуживает как интересы социокультурной памяти поколений, так и их культурные пристрастия.

Богатый опыт музеефикации памятников в России свидетельствует о том, что, если созданная в здании-памятнике экспозиция представляет искусственно выстроенную историко-культурную

среду, то внешняя среда бытования историко-культурного объекта в условиях моделирования действительности всегда направлена на реконструкцию представления о средовой природе памятника. Синтез экспозиции музея и архитектурного объекта воспроизводит пространственные, временные и содержательные связи в конкретном «месторазвитии», формирует миссию музея в обществе. Подобная трансляция наследия служит делу объединения и самопознания общества, группы, личностей при осмыслении своего наследия как некоего культурного кода, переданного предками и вписывающегося в единый историко-культурный процесс. Такая тенденция, по выражению П.Флоренского, ведет к более «почвенной жизни», ориентированной на истоки и корни.

Решая проблему трансляции памятников, моделируя их историко-культурную среду, реставраторы и музейные работники на значительной территории своего региона вписывают комплекс разнообразных исторических и мемориальных объектов в облик городов и поселков. В результате музеи и музеи-заповедники не выглядят сегодня некой резервацией или некрополем культуры, а являются частью местной историко-культурной среды, служащей обществу.

Сама среда, включающая различные виды памятников и рядовую застройку, во многом может быть фрагментарна, несистемна, но, как правило, имеет определенную организацию пространства. При этом устойчивость ей придает конкретная структура культурных связей, а также корни региональных архитектурных традиций.

Смоделированное под музей пространство среды (здесь мы имеем в виду охранные зоны, зоны регулирования застройки и т.п.), как и сам музейный комплекс через свои экстрасистемные функциональные характеристики, работают на взаимодействие музея и общества (особенно функция моделирования), обладают специфическими свойствами. Эти свойства проявляются в сферах традиции, современности и новациях. И если для каждого музея они будут строго индивидуальны и эффективны, то памятники смогут с наибольшей пользой служить обществу.

Таким образом, одного взгляда сегодня достаточно, чтобы определить музей как учреждение, глубоко и неоспоримо укоренившееся в общественном сознании. Музей, как правило, определяет наследие любой территории, исходя из локальной ситуации. Его «многообразие в единстве» культурного пространства находит баланс между индивидуальной памятью и общей историей Отечества.

Уникальность любого интеллектуального продукта как феномена культуры практически на любой территории страны, а тем более в исторических городах с их значительным культурным прошлым, связана с наиболее устойчивой категорией бытия человека – памятью. Это позволяет на определенном уровне музейной работы и восстановительной деятельности реставраторов выстраивать культурно-исторические связи, нередко напрямую относящиеся к

целеполагающей конкретной деятельности человека в обществе.

Этому, на наш взгляд, способствует методология когнитивной истории, теоретические основания которой сегодня представлены в отдельных работах российских историков [5]. Речь идет о синтезе теории информатики и классического источниковедения, получившего особое развитие в России в XX в. Это направление изучения современной адаптации определенного ряда историко-культурных объектов в жизнедеятельности горожан ныне характеризуется повышенным вниманием к фактам реального осознания той или иной исторической эпохи. При этом источниковедение в области культуры в работах Лаборатории историко-культурной среды российских городов постулирует примат источника перед любыми формами предварительного знания результата исследования. Первоначальной опорой исследователей стали не гипотезы (хотя они имеют право на существование) и домыслы ученых, а, прежде всего, опыт непосредственного наблюдения источниковой реальности, включая стратиграфию архитектурных объектов, характеризующую изменения в их облике.

Исследователи РИК, раскрывая потенциал информационного ресурса каждого историко-культурного объекта как интеллектуального продукта, определяли значимость его ресурса в возможных границах предлагаемых методик, а также качество и подлинность – в зависимости от его видовой конфигурации. В то же время, созданная в городской среде система интеллектуальных продуктов, как информационный ресурс территории, служит вскрытию общих закономерностей в создании и преобразовании научной информации.

Современная ситуация в исторической науке может быть определена как смена парадигм и, прежде всего, как уход от нарративизма. Нарративизм осмысливает причинно-следственные связи события прошлого, идя от результата к причине с целью извлечения уроков. Этот способ исключает вариативность процессов и не использует возможности современных наук – исторической культурологии, креативной истории и их исследовательские методы:

- сравнительно-типологический (позволяет устанавливать схожие параметры исторических процессов);
- структурный (позволяет конструировать сходные элементы социальной реальности);
- функциональный, который предоставляет возможность сравнивать объекты культуры с точки зрения сходства их практического назначения.

В основе современной интерпретации исторической культурологии и креативной истории лежит уже не мозаика из отдельных отраслей культуры, а анализ постоянно меняющегося от одного этапа к другому целостного феномена культуры, исследование собственно социокультурного механизма его смены. Речь, по сути, идет о

макродинамике социокультурных процессов, которая обладает не только спецификой, но и закономерностями, раскрывающими содержательную деятельность информационного ресурса интеллектуального продукта и процесса его генезиса.

Объектом как исторической культурологии, так и креативной истории, являются интеллектуальные продукты (типологические ряды историко-культурных объектов, шире – культурное наследие). Наследие, по сути, выступает как макрообъект, который позволяет судить о «следах» прошлого в настоящем культурной среды российского города, конструируя культурное время. Оно, в свою очередь, рассматривается в качестве предыстории современности и как характеристика возможных нынешних потребностей культуры. И если креативная история имеет общий макрообъект с исторической культурологией, как, впрочем, и с фундаментальной историей, то предметом собственно исторической культурологии является, главным образом, социокультурные процессы, раскрывающие содержательную деятельность информационного ресурса интеллектуального продукта и процесса его генезиса.

Определение предметности в историко-культурологических исследованиях тесно связано с категорией культурной формы и ее конфигурацией. «Культурная форма в элементарном смысле, – пишет Г.Н.Миненко, – тот нижний предел, до которого может опускаться историко-культурологическая предметность в гносеологическом понимании» [6]. Именно поэтому культурная форма должна обладать признаками универсальности, т.е. быть применимой к достаточно широкому классу объектов.

Всестороннее изучение культурной формы помогает решать ряд предельно важных задач: генезис культурных феноменов в процессе изучения, сохранения и использования предметного ряда историко-культурных объектов; изучение сходства и различия этих объектов в ходе реализации их функций; исследование форм организации и динамики их использования и т.п. То есть из подобного определения предметной области можно выделить классы явлений, доступных для наблюдения исследователя. Например, мемориализация памятников истории и культуры, их музеефикация, реставрация, моделирование историко-культурной среды населенных мест и т.п. Результаты их осуществления предопределяемы такими этапами работ как предпроектные исследования, так и восстановление среды обитания горожан.

Большой интерес представляет историко-культурная среда исторических городов с ее влиянием на урбагенез, на сохранение и трансляцию интеллектуальных продуктов в городе. В реальных локализованных пространствах на материале историко-культурных объектов, по сути, может раскрываться динамика культурного процесса, трансляция специального культурного опыта через институциональный уровень или иные каналы на обыденное сознание. Человек может «примерять» на себя разные ситуации, образы, эмоции и тем самым сделать свою среду бытования более богатой, многоцветной и насыщенной. Практически происходит

отбор фактов, составляющих «ядро культуры» каждой конкретной страты. Это явление вписывается в обыденный уровень культуры, отличающийся от профессионального, связанного со специальной подготовкой личности.

Для познания предмета исторической культурологии, как и когнитивной истории, при изучении морфологической модели культуры крайне важен тот промежуточный уровень, который существует между специализированным и обыденным уровнем культуры. К последнему исследователи относят институциональные и организационные структуры, посредством которых происходит трансляция специального культурного опыта на обыденный уровень.

Сегодня это системы массовых коммуникаций, образовательных учреждений и учреждений культуры, среди которых музей занимает особое положение. Он последовательно и традиционно (правда, в условиях России нередко и предельно идеологизированно) выстраивает оценочные критерии, вырабатываемые в результате моделирования, сравнения, шкалирования предметов, идей, образов, технологий по определенным основаниям, включая и исторические. При этом динамика историко-культурных процессов в этих учреждениях нередко рассматривается в рамках реальных региональных поселений.

Подобный подход в изучении прошлого способен служить социокультурным потребностям жителей локуса и определять их запросы. Нет ничего удивительного в том, что разные социальные слои в регионе находят в наследии свои культурные образы и формируют свою картину среды обитания. При этом традиционное, чисто музейное воспроизводство прошлых образов на уровне как было решается обычно в рамках исторической науки. Историческая культурология, не сбрасывая со счетов проблему «как было», призвана актуализировать социально значимые пласты наследия и определить функции исторических образов в современности.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Историко-культурное наследие Воронежа. Воронеж, 2000 (переизд. в 2002, 2009 гг.); Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Дмитрова, конец XVIII – XX в. М., 2006; Российская провинция: среда, культура, социум. Очерки истории города Сергиева Посада, конец XVIII – XX в. М., 2011.

[2] Каган М.С. Москва – Петербург – провинция: «двухстоличность» России – ее историческая судьба и уникальный шанс // Провинция. 1993. № 1. С. 16–27.

[3] Цит. по: Арцибашева Т.Н. Центральная Россия как историко-культурный регион. Культурогенез Средневековья и раннего Нового времени : автореф. дис. ... д-ра культурологии. СПб., 2004. С. 34.

[4] Ахиезер А.С. Город – фокус урбанизационного процесса // Город как социокультурное явление исторического процесса. М., 1995. С.

27, 28.

[5] См.: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М., 2008. С. 252.

[6] Миненко Г.Н. Проблемы методологического определения исторической культурологии // Культурология в теоретическом и прикладном измерениях. Кемерово; М., 2001. С. 13.

© Шулепова Э.А., 2011

Статья поступила в редакцию 25 февраля 2011 г.

Шулепова Элеонора Александровна,

доктор культурологии, профессор,
заместитель директора Российского института культурологии,
руководитель направления «Историческая культурология»
Российского института культурологии (Москва)
e-mail: shouleпова@ricur.ru

UDC 008:001.8

Shouleпова E.

Cultural Milieu in Historical Town: Research Methodologies and Translation

Abstract. The author analyses the ancient Russian town research that takes place within the Urban Historical & Cultural Environment Lab of the Russian Institute for Cultural Research. It is concerned with the urban cultural milieu and everyday culture, which are studied as a multifaceted social and cultural phenomenon. Realia of the town dwellers' life and activities were studied with consideration of cultural modalities conversing one into another, e.g. spiritual potentiality into substantive world, and then into images and ideas after human mastering that world. All that gives a possibility to draw a realistic picture of cultural preferences characteristic of particular strata from the end of the 18th and through the 19th century.

Key words: historical town, historical and cultural environment, everyday culture, Russian super-ethnos, cultural milieu, cultural history, creative history

Shouleпова Eleonora Aleksandrovna,

Doctor in Culturology, Professor,
Deputy Director for Research
of the Russian Institute for Cultural Research (Moscow)
e-mail: shouleпова@ricur.ru